

М. Узелац,
д.ф.н., профессор
Сербия

Философия музыки А.Ф. Лосева: на пути к новому пониманию бытия музыки¹

Любое обсуждение феномена музыки предполагает наличие предварительного представления о ее сути. Для того, чтобы разговор о музыке мог состояться в принципе, должно существовать неперенное условие, а именно: некое наше знание о музыке и, прежде всего, знание о том, *что такое музыка*, или: *что есть музыка*. К сожалению, в большинстве случаев это «*что есть музыка*» и становится главной и основной проблемой, касающейся как понимания природы бытия музыки, так и смысла существования музыки в человеческом мире. Эта же проблема часто сужает возможности конструктивного диалога.

С одной стороны, речь идет о онтологической составляющей феномена музыки, а с другой, о её онтических, воплощенных, обликах в реальном мире (пространстве и времени). Исследователи феномена музыки часто пренебрегают этим различием - и тогда или говорят о универсальном смысле музыки (обычно в тех случаях, когда имеется в виду как раз ограниченное чувственное воздействие музыки), или критикуют, с позиции определённого стиля, вневременную природу музыки, которая (природа), между тем, не может ограничиваться никаким стилем.

При этом оказывается, что теория музыки обычно достигает высших точек своего развития в те периоды, когда музыкальная практика находится в глубочайшем кризисе; поэтому совершенно неслучайно, что XX век стал в большей степени временем музыкальной теории, чем временем музыкальной практики, что частично можно объяснить как высокими достижениями музыки предыдущего столетия, так и отсутствием музыки в наше время.

1.

¹ Международная научная конференция XIV «лосевские чтения» : *Творчество А.Ф. Лосева в контексте отечественной и европейской культурной традиции*, Москва 15. октобар 2013.

На рубеже эпох музыки и не-музыки, в двадцатых годах прошлого столетия, после триумфа историзма, психологизма и естественнонаучного мировоззрения, приведшего к скептицизму и релятивизму, в тот момент, когда на международную сцену выходила феноменологическая философия с ее непоколебимой решимостью определить аподиктические основы всех будущих философских исследований, - возникла музыкальная теория А.Ф. Лосева.

Это время, в котором, с одной стороны, переживают блестящий успех «новая» музыка А. Шенберга и теория музыки Ф. Бузони (1906)², а с другой, все еще звучит «последняя музыка» - музыка С. Рахманинова. Это время, когда *начинает складываться* такое понимание музыки, которое преодолевает уровень размышлений о музыке, основанных на «музыкальной практике», и, оставив в стороне музыковедение, становится философией музыки, поскольку вплотную подходит к вопросам о её основаниях и природе.

Зарождающаяся философия музыки прикладывала все силы, для того чтобы утвердить музыку в её целостности как Музыку, которую когда-то, в её не-чувственном, космическом, виде осмысливали Пифагор и Платон, а в суть которой, уже в новом времени, глубже всего проник Л. ван Бетховен в своих поздних струнных квартетах, которые его современники были не в состоянии понять и которые современный слушатель практически не знает.

Всё это были симптомы прихода другого времени, с новым внутренним теоретическим ощущением, времени, в котором *новое* полемизировало с еще несдающим своих позиций *старым*, времени, сами цели которого создавали противоречия, имманентно определяющие все более четко вырисовывающийся конфликт «новой» и «старой» музыки.

Прямое отражение такой ситуации мы наблюдаем и в рефлексиях А.Ф. Лосева. В работе «Строение художественного мироощущения», написанной в 10-х гг. XX в., философ замечает, что «музыка существует только *во времени*»³, из чего можно было бы заключить, что музыка обладает историческим характером *a priori*. Однако позднее, в книге «Музыка как предмет логики» (1927), Лосев утверждает, что музыка «иде-

² Busoni, F.: *Entwurf einer neuen Ästhetik der Tonkunst*, Insel-Verlag 1954. См. также: http://www.uzelac.eu/Knjige/12_MilanUzelac_Filozofija_muzike.pdf стр. 376-380.

³ Лосев А.Ф. Строение художественного мироощущения. – В кн.: Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1995. - Стр. 317.

альна»⁴ и что она является «символом»⁵, что позволяет понять музыку одновременно как вневременное и как неисторическое явление. То, что это не ошибка в мыслительном процессе, подтверждает фраза о том, что «музыка есть *еще и* (курсив мой. – М.У.) искусство»⁶, дополняющая уже сказанное философом.

Последнее утверждение представляется и основной позицией А.Ф. Лосева, поскольку он вновь высказывает эту мысль в III разделе упомянутой книги: «Мы думаем, что музыка есть прежде всего искусство и поэтому она имеет определенную художественную форму... музыка есть искусство *времени...*»⁷. Раскрывая свою мысль, философ говорит о *музыкальном предмете* как о «бесформенном множестве» как «тождестве сущего с его алогической инаковостью...», как о «тождестве самотождественного различия с его алогической инаковостью», как о «тождестве подвижного покоя с его алогической инаковостью»⁸.

Когда музыка анализируется подобным образом, совершенно очевидно, что мы имеем дело с попыткой рассмотреть её с различных точек зрения. Однако в этом случае речь идет и о *анализе существа музыки с позиций различных философских традиций*, и поэтому музыке приписываются характеристики, опирающиеся на различные региональные онтологии. Это положение вновь возвращает нас к необходимости до начала любого разговора о музыке определить, что одно – это *музыка как таковая*, другое – *музыка как искусство* (точнее, музыка в её чувственном, эстетическом смысле), а третье – *музыкальное произведение* как эстетический предмет (который около 20 лет до А.Ф. Лосева исследовал Вальдемар Конрад⁹, открыв дорогу феноменологической эстетике музыки).

2.

За две с половиной тысячи лет своей истории феномен музыки не всегда обладал эстетической составляющей; в течение большей части известной нам истории музыки она (музы-

⁴ Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики. – В кн.: Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1995. – Стр. 498.

⁵ Там же.

⁶ Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики. – В кн.: Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1995. – Стр. 498.

⁷ Там же, стр. 544.

⁸ Там же.

⁹ Conrad W.: *Der ästhetische Gegenstand. // Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft* 3 (1908), 71-118 und 469-511; 4 (1909) 400-455. Здесь речь идет о положениях, изложенных на стр. 78-79. Обширнее об этом см.:

http://www.uzelac.eu/Knjige/9_MilanUzelac_Fenomenologija_umetnosti.pdf, стр. 74-76.

ка) не являлась искусством, а была прежде всего умением (*techné*) в смысле учения о гармонии. Эстетический момент стал свойствен музыке только в Новое время, последние несколько столетий, точнее, в последние четыреста лет¹⁰, когда люди в музыке начали находить и наслаждение, ожидать от неё приятных ощущений во время досуга. Но *время эстетического* (и не только, когда речь идет о музыке, но и о других видах искусства) длилось относительно недолго – с XVI до конца XIX столетия (условно говоря, от времени Палестрины до П.И. Чайковского), и оно осталось в прошлом. «Эстетическая» музыка, теперь, когда смерть эстетического получила теоретическое обоснование, больше не является актуальной; современная музыка создается не для тех, кто бы ею наслаждался, а для тех, кто бы о ней и о последствиях ее загадочного существования мыслили. И в этом смысле некоторые положения А.Ф. Лосева, сформировавшиеся на границе принадлежащих прошлому эстетических и новых онтологических позиций остаются и сегодня актуальными.

Современная музыка намного ближе той «первой» музыке, античной, о которой нам мало что известно, чем музыке XIX в. Время «эстетики музыки» закончилось; сегодня мы можем говорить только о *философии музыки*, т.е. о философских основаниях музыки, о её природе и причинах ее существования во времени. Но о наслаждении в новой музыке не может быть и речи, как и о том, что эта музыка является искусством.

Что же касается А.Ф. Лосева, то он создает свои работы по музыке в период, всё ещё инерционно «эстетический», и поэтому в качестве примера всё ещё видит (и слышит) *слышимую музыку*, размышляя о том, что «в чистом музыкальном бытии мы слышим ... *вне-пространственные* оформления»¹¹. То, что мы оформления «слышим», а не *мыслим* или *счисляем* или *скорее конструируем* (что для них было бы адекватнее), показывает, что философ и далее исходит из эстетического начала в музыке, но, с другой стороны, указание на то, что могут быть слышимыми *вне-пространственные* оформления, не позволяет нам раньше времени терять надежду на возможность появления нового мышления бытия музыки. Подтверждение этому находится в попытке А.Ф. Лосева определить музыкальный предмет: «Музыкальный предмет специфически от-

¹⁰ В период реабилитации чувственного (со стороны предромантизма и романтизма), во многом благодаря А.Г. Баумгартену, и возникает в XVIII в. эстетика как философская дисциплина.

¹¹ Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики. – В кн.: Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1995. – Стр.544.

личен от всякого другого художественного предмета именно тем, что он не дает никаких ни слов, ни образов, ни явлений, ни фактов, но есть только сама текучесть и становление»¹².

В интерпретации идей Лосева следует исходить из того, что феномен музыки *вне-пространствен*: «Эйдос музыкального бытия есть эйдос вне-пространственного бытия»¹³. Подобное заключение может вызвать вопросы, особенно когда указывается на существование *формы* вне-пространственного. Но одновременно эта мысль дает надежду, что вслед за этим появятся чисто онтологические (и, возможно, космологические) дефиниции бытия музыки. Но, к сожалению, не все обстоит так просто, и природа мышления не является прямолинейной.

Много раз А.Ф. Лосев подчеркивает, что музыкальный предмет отличается от всех других художественных предметов тем, что он (предмет) есть сама текучесть и само становление, что указывает на его временной характер. Позиция философа определена платоновским пониманием времени как «подвижного образа вечности». Лосев исходит из конкретной музыки в ее исполнении, а не от музыки как идеального бытия, которое, помимо того что является вне-пространственным, должно быть и «до» любого времени, т.е. вне-временным. Во всяком случае, это лишний раз указывает на амбивалентный подход Лосева к феномену музыки.

В работе «Строение художественного мироощущения», ссылаясь на пример музыки, А.Ф. Лосев пишет: «Музыка существует только во времени, т.е. музыка живет и создается как процессуальность. С этой стороны она вполне адекватна жизни переживания вообще. Но кроме того, музыка дает еще чистое качество предмета, не самый предмет, не его пространственно-временную определенность, но то, из чего этот предмет состоит, его «материю»¹⁴. В развернутой цитате мы видим, что время есть свойство музыки, а процессуальность является одним из основных составляющих музыки – действительно, она проявляется как в акте исполнения, так и в акте перцепции (переживания) музыкального произведения. А далее возникает неясность. Что есть «предмет», которому музыка «дает чистое качество», т.е. «материю»? Возможно, «предмет» может быть понят, если принять во внимание разницу между художественным произведением и эстетическим предметом, на ко-

¹² Там же, стр. 596.

¹³ Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики. – В кн.: Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1995. – Стр. 419.

¹⁴ Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1995. – Стр. 317.

тору указывает Р. Ингарден, где под эстетическим предметом имеется в виду конституция «интерсубъективного эстетического предмета» в нашем сознании¹⁵. Но «материя» как *substantia* не может быть одновременно «чистым качеством», т.е. *accidentia*. Совершенно очевидно, что здесь мы сталкиваемся вовсе не с желанием автора создавать терминологические парадоксы, а с тем, что природа феномена, о котором он говорит, природа музыки сама по себе, с позиций человеческой логики, парадоксальна (мир музыкального бытия «чудовищно своеобразен»¹⁶). Парадоксально существование музыки, парадоксально, что мы вообще что-то знаем о музыке, но самое парадоксальное, что у нас есть возможность говорить о ее парадоксальности. А.Ф. Лосев описывает музыку в границах языка, и этим объясняются все неточности и трудности, с которыми сталкивается исследование: неизречимое необходимо перевести в его противоположность – в мир понятий. Вот почему любой исследователь философских представлений А.Ф. Лосева о музыке сталкивается с его многосторонним подходом, в котором непрестанно переплетаются историческое, логическое и онтологическое начала. При этом насколько легко сам философ переходит с одного аспекта на другой, настолько же трудно точно и недвусмысленно читателю определить его позицию по отношению к музыке.

На первый взгляд, момент историчности кажется первичным в рассуждениях А.Ф. Лосева. Он совершенно определено пишет: «Но если угодно отнести ко мне добросовестно, надо признать как непреложный факт: с именем Лосева неразрывно связано самое острое чувство истории. Все, что было, есть и будет, все, что вообще может быть, конкретным становится только в истории».¹⁷ Но с другой стороны, под влиянием феноменологии, к положениям которой Лосев временами обращается в своих работах, философ не сторонится и проблемы «конструкции живого музыкального предмета в сознании»¹⁸, что должно было бы указывать на субъектную сторону музыки в том ее смысле, который определил Новый век.

3.

¹⁵ Ingarden, R., *Ontologija umetnosti*, KZNS, Novi Sad 1991, str. 70

¹⁶ Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики. – В кн.: Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1995. - Стр. 419.

¹⁷ Лосев А.Ф. История эстетических учений. – В кн.: Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1995. - Стр. 337.

¹⁸ Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики. – В кн.: Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1995. - Стр. 418.

Представляется, что Лосев ясно ощущает ограничения, которые накладываются на толкование музыки, если исходить из конкретной „реализованной“, слышимой музыки, каковой является вся музыка Нового времени. И в то же время он понимает, что в античной философии, которая говорила о музыке, таких ограничений нет. Именно поэтому, рассуждая о музыке, Лосев всегда имеет в виду (хотя и не всегда ясно говорит) её основу и философскую природу, которая, согласно пифагорейско-платонистической традиции, находится в сфере чисел. Благодаря числу, музыка была неразрывно связана с арифметикой и астрономией. Именно античная традиция дает Лосеву свою веками сформированную терминологию (со всеми ее ограничениями), в которой он и делает попытку выразить идеи, принадлежащие Новым векам. Таким образом, философ, исходя из опыта музыки нового времени, говорит понятиями „старой“ музыки о музыке как таковой.

Вновь обратимся к вопросу: о какой музыке мы говорим? О музыке, которая является предметом учения о гармонии; о музыке, которая может только мыслиться и которая *не нуждается* в слушании (как это было во времена Пифагора и пифагорейцев вплоть до нового времени), или речь идет о чувственной музыке - о сочетании звуковых раздражителей, которые физически воздействуют на человеческий слух и которые как результат вызывают сложные душевные чувства.

Смысловая неточность, присутствующая в работах о музыке, особенно, когда говорится одно, а подразумевается другое, - источник частого отсутствия взаимопонимания.

Только имея это в виду, можно принять мысль, подобную данной: «Музыка говорит многое, но она не знает, о чем она говорит. Ей нечего сказать. Или, вернее, она говорит о несказуемости, логически конструирует алогическую стихию, говорит о непознаваемом и о размыве, о стихийном инобытии смысла»¹⁹. Говоря о музыке и *да*, и *нет* в одно и то же время, философ, в сущности, ничего не добивается, так что и ссылка на диалектичность мышления здесь себя не оправдывает.

Только так можно объяснить и понять метод перечисления для определения смысла музыки, к которому прибегает А.Ф. Лосев: музыка есть понимание и выражение, символ, выразительное символическое конструирование числа в сознании, она – идеальна, гилетична в сфере идеального (!), гиле-

¹⁹ Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики. – В кн.: Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1995. - Стр. 505.

тически-эйдетична и при этом она еще и искусство,²⁰ т.е. форма, ритм, метр, тональность и т.д.²¹ И в случае с музыкой, и в других случаях, стремясь определить позитивным способом художественное произведение, философ нередко использует с целью конкретизации дефиниции упоминание всего того, что в момент работы находится в его мыслительном поле, но здесь всегда таится опасность потерять *differentia specifica* предмета и тем самым сделать невозможным всякое определение музыки, которое есть важнейшая цель философа (в противном случае он не ставил бы себе задачу осмыслить бытие музыки из нее самой).

Античная музыка, средневековая музыка, музыка времени классицизма и романтизма или «новая музыка» XX в. (Новая Венская школа до А. Веберна), - это до такой меры различные явления, что просто невероятно, как их может объединять одно родовое понятие. Дело здесь не столько в лености духа, не видящем необходимости в создании нового понятия, сколько в мышлении по инерции; особенно это свойственно современным теоретикам (и музыковедам, и философам) и практикам: композиторы (или, точнее, DJ-и ?) XX в., продолжая экспериментировать со звуком, не задумываются над тем, что продукт их деятельности (я намеренно не использую понятие «творчество», которое принадлежит другому времени) вообще не может быть соотнесен с понятием музыка ни в каком смысле этого слова, а теоретики поддерживают их в этом неведении.

Можно с уверенностью сказать, что уже больше ста лет существуют трудности в теоретическом определении музыки как в контексте ее истории, так и в контексте ее природы. С той же уверенностью можно указать и на факт, что вопрос дефиниции музыки не только остается открытым, но до настоящего времени не было даже сделано сколько-нибудь серьезных попыток приступить к его решению. А.Ф. Лосев был одним из редких мыслителей, ощутивших насущную проблему музыки уже в самом начале XX в. И пускай он не смог до конца решить ее, это не уменьшает его заслуг.

4.

²⁰ Там же, стр. 498.

²¹ Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики. – В кн.: Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1995. - Стр. 505.

Чтобы отделить *музыкальное произведение* от любого физического или психического бытия, Лосев использует выражение *музыкальное бытие*²², указывая на его важнейшие свойства: *идеальную завершенность* и *неподвижность*²³, а также и вне-пространственность, хаотичность и бес-форменность²⁴.

Очевидно, что здесь философ все еще не делает различия *между существованием музыкального произведения и его реализацией*. Но также очевидно, что он имеет в виду завершенность и неподвижность, которые не являются характеристиками музыкального произведения как эстетического предмета, представляющего собой лишь одну из бесконечных возможностей конкретизации музыкального произведения. Музыкальному произведению в его чувственном облике свойственны как открытость, так и неподвижность, гибкость и изменчивость, выраженные в процессе его конкретного исполнения и реализации во времени.

С другой стороны, совершенно очевидно, что здесь Лосев стремится указать на подлинную сферу бытия, которой принадлежит музыка в своем эйдетически законченном облике; и он с полным правом сближает музыку и математику, интерпретируя музыку в математических моделях²⁵.

В то же время, философ делает, на наш взгляд, существенный и определяющий шаг вперед, утверждая, что музыка одинаково далека как от психологии, так и от математики; тем самым он удаляется как от субъективизма, в плену которого постоянно находится психология, так и от идеализма математики. Этот шаг ведёт Лосева в направлении к пониманию музыки из неё самой: «чтобы музыкально понять музыкальное произведение, мне не надо никакой физики, никакой физиологии, никакой психологии, никакой метафизики, а нужна только сама музыка, и больше ничего»²⁶.

Однако и далее остается открытым вопрос: что понимает Лосев под музыкальной составляющей музыки. Если он имеет в виду ее акустическую, слышимую, сторону, то возникает опасность впасть в субъективизм; а если акцент ставится на *понимании* музыки и ее *продумывании*, тогда речь уже идет не о музыкальности и ее эстетическом смысле, а о метафизи-

²² Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики. – В кн.: Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1995. – Стр. 482.

²³ Там же, стр. 483.

²⁴ Там же, стр. 421.

²⁵ См. стр. 482.

²⁶ Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики. – В кн.: Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1995. – Стр. 483.

ческой стороне, и в этом случае отгораживание от метафизики может быть только риторической фигурой, но никак не методологической основой на пути осмысления музыки.

5.

Понимание бытия музыки из самой музыки не может находиться вне метафизики или, если мы пойдем далее, вглубь предмета, вне космологии. Однако у Лосева еще не оформился переход из метафизики в космологию. Он сводит музыку к конструкции меональной сущности, и в этом он прав, но он не отвечает на вопрос, как музыка создает меональную подвижность, если она находится вне времени и неподвижна – указание на инаковость как свойство музыкального бытия принять можно, а на временность – нет.

А.Ф. Лосев определяет музыку как гилетически-меональную стихию эйдоса, но надо иметь в виду, что гилетический компонент слишком утяжеляет и «приземляет» музыку, которой не свойственно земное. Возможно, это следствие того, что Лосев видит музыку как «стихию жизни»²⁷, без которой не было бы и жизни. Однако из перспективы нашего времени, эту мысль можно было бы рассматривать скорее как поэтическую, поскольку состояние постмодерна и постпостмодерна убедительно доказало, что в музыке не только нет потребности - музыки нет как таковой²⁸. Музыка в своем космическом облике как сама структура космоса не обладает тем видом «жизненности», который ограниченный человеческий разум проецирует со своей антропологической позиции. Музыка есть способ экзистенции космоса, как это понимали сначала Пифагор, а затем И. Кеплер, но в таком понимании, музыка ничего не делает, ни на что не воздействует, никому не слышна.²⁹

До какой степени Лосев является представителем своего времени свидетельствует и его работа «Очерк о музыке» (1920 г.), в которой он излагает своё представление о круге проблем, составляющих содержание философии музыки, выделяя четыре «науки»: феноменологию музыки, психологию музыки, музыкальную эстетику и музыкальную критику. Между тем, исходя из объяснений самого Лосева, становится очевидным,

²⁷ Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики. – В кн.: Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1995. - Стр. 491.

²⁸ См.: http://www.uzelac.eu/Knjige/17_MilanUzelac_Filozofija_poslednje_umetnosti.pdf (стр. 101).

²⁹ Более подробно см.: http://www.uzelac.eu/Knjige/12_MilanUzelac_Filozofija_muzike.pdf http://www.uzelac.eu/Knjige/13_MilanUzelac_Horror_musicae_vacui.pdf

что музыкальная критика не может быть частью философии музыки, это же относится и к музыкальной эстетике, которая должна (судя по содержанию) входить в другую область знания. И наконец, самое важное - «первая и основная наука». Сам феномен музыки как некое абсолютное бытие не может быть предметом феноменологии музыки, поскольку предметом феноменологии как метода является нечто другое, о чем за несколько лет до создания «Очерка о музыке» исчерпывающе написал Г. Шпет³⁰.

Однако в «Очерке...» Лосевым был осуществлен существенный *прорыв* к основам метафизики в понимании музыки. В этой работе А.Ф. Лосев поставил знак равенства между абсолютным бытием и музыкой³¹ и тем самым указал на истинное бытие и природу музыки. Отождествление музыки и абсолютного бытия открывает и отношение «музыка и Ничто» (как обратная сторона Бытия), что вплотную подводит к пониманию Музыки как Тишины. К сожалению, А.Ф. Лосев слишком рано отошел от музыкальной тематики, чтобы осуществить еще один радикальный шаг в философии музыки.

Что нам остается? Остается важное теоретическое положение А.Ф. Лосева о тождестве музыки и абсолютного бытия, к сожалению, не получившее своего логического развития и разделившее судьбу еще нескольких великих интуиций, не доведенных до уровня понятия и комплексного логического и методологического анализа.

Бесспорно, по сравнению со своими современниками, теоретиками музыки, оставшимися в рамках музыковедения, философ сделал большой шаг вперед, шаг в неизведанное, однако, именно это научное одиночество³² привело к тому, что в его работах присутствуют и туманные метафорические реминисценции, и методологические компромиссы, и вопросы, на которые ему не удалось дать ответы читателю, а, может, и самому себе.

Тем не менее, следует быть объективным и справедливым: любое мышление принадлежит своему времени и обусловлено ситуацией своего времени. Все это в полной мере от-

³⁰ Шпет Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы. - М., 1914.

³¹ Лосев А.Ф. Очерк о музыке. - В кн.: Лосев А.Ф. Форма - Стиль - Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи. - М.: Мысль, 1995. - Стр. 644.

³² Обращает на себя внимание факт, что русские философы, современники А.Ф. Лосева, оставили незамеченными теоретические поиски Лосева в области музыки. Так, Н.О. Лосский в «Истории русской философии» лишь упоминает о работе Лосева «Музыка как предмет логики», а в эстетических работах, например, Бердяева и Ильина, нет ссылок на идеи Лосева, не говоря уже о их анализе.

носится к А.Ф. Лосеву, который и сам понимал, что его исследования бытия музыки «не есть единая цельная система»³³, что он находится в поиске (в движении от обыденного к бытийному толкованию музыки) и каждый раз трактует предмет «заново».

Резюме

В работе анализируется понимание музыки в ранних работах А.Ф. Лосева. Указывается, что в значительной мере теоретическая позиция философа была обусловлена состоянием в теории музыки того времени. Однако А.Ф. Лосев выходит за границы традиционной трактовки музыки, когда рассматривает музыкальное произведение в его идеальности, вневременности и внепространственности как эйдос с его меональными характеристиками.

Ключевые слова и выражения: музыка, философия музыки, феноменология музыки, абсолютное бытие, бытие музыки.

³³ Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики. – В кн.: Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1995. – Стр. 406.